

Владимир Михайлович Алпатов родился в 1945 году. Окончил отделение структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в 1968 году и аспирантуру Института востоковедения АН СССР в 1971 году. С 1971 года работает в Институте востоковедения АН СССР – РАН, заместитель директора института с 1994 года. Доктор филологических наук с 1984 года. Автор книг и статей по общему языкознанию, японскому языку, социолингвистике и истории науки.

STUDIA PHILOLOGICA

В. М. Алпатов

ИСТОРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Учебное пособие

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1998

ББК 81
А 45

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 97-04-16356

Алпатов В. М.

А 45 История лингвистических учений. Учебное пособие. —
М.: «Языки русской культуры», 1998. — 368 с.

ISBN 5-7859-0049-1

Книга представляет собой учебное пособие по курсу «История лингвистических учений», входящему в учебную программу филологических факультетов университетов. В ней рассказывается о возникновении знаний о языке у различных народов, о складывании и развитии основных лингвистических традиций: античной и средневековой европейской, индийской, китайской, арабской, японской. Описано превращение европейской традиции в науку о языке, накопление знаний и формирование научных методов в XVI—XVIII веках. Рассмотрены основные школы и направления языкознания XIX—XX веков, развитие лингвистических исследований в странах Европы, США, Японии и нашей стране.

Пособие рассчитано на студентов-филологов, но предназначено также для всех читателей, интересующихся тем, как люди в различные эпохи познавали язык.

ББК 81

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0049-1

9 785785 900493 >

© В. М. Алпатов, 1998
© С. А. Крылов. Указатели, 1998

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Лингвистические традиции	11
Европейская лингвистика XVI—XVII веков.	
Грамматика Пор-Рояля	44
Лингвистика XVIII века и первой половины XIX века.	
Становление сравнительно-исторического метода	54
Вильгельм фон Гумбольдт	62
Август Шлейхер	78
Развитие гумбольдтовской традиции	84
Младограмматизм	94
«Диссиденты индоевропеизма»	108
Н. В. Крушевский и И. А. Бодуэн де Куртене	116
Фердинанд де Соссюр	129
Антуан Мейе и Жозеф Вандриес	142
Развитие концепции Ф. де Соссюра.	
В. Брендаль. А. Гардинер. К. Бюлер	150
Женевская школа	157
Глоссематика	167
Пражский лингвистический кружок	177
Дескриптивизм	194
Эдвард Сепир	210
Гипотеза языковой относительности Бенджамена Уорфа	219
Советское языкознание 20—50-х годов	227
Критика лингвистического структурализма	266
Французская лингвистика 40—60-х годов.	
Л. Теньер. Э. Бенвенист. А. Мартине	277
Ежи Курилович	294
Роман Jakobson	298
Ноам Хомский	309
Библиография	325
Указатели (С. А. Крылов)	327

ПРЕДИСЛОВИЕ

В учебную программу филологических факультетов университетов входит курс «История лингвистических учений», в котором студенты знакомятся с историей мировой науки о языке, с различными лингвистическими школами и направлениями. Однако на русском языке, в отличие от основных западных языков, по существу нет не только специального учебного пособия по данному курсу, но вообще сколько-нибудь полного описания истории языкознания. То, что есть, либо написано очень давно и уже явно устарело (например, переведенная на русский язык и изданная в 1938 г. книга В. Томсена), либо охватывает лишь часть истории лингвистики. Например, ленинградский многотомник «История лингвистических учений» был доведен лишь до эпохи позднего средневековья; две книги Ф. М. Березина касаются лишь отечественной науки.

Наиболее близок к целям курса «История лингвистических учений» известный труд В. А. Звегинцева «История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях», выдержавший три издания. Его сильной стороной являются «извлечения», то есть тексты многих крупных лингвистов, в целом удачно подобранные и очень представительные. Тексты занимают основную часть книги, а «очерки» В. А. Звегинцева, безусловно, серьезные и в большинстве случаев точные по своим оценкам, в основном играют роль предисловий к этим текстам. Требуется все же более подробный очерк развития мировой науки о языке. Кроме того, последнее издание труда В. А. Звегинцева вышло в 1964—1965 гг. За прошедшее время, во-первых, лингвистика развивалась, что тоже как-то должно быть учтено, во-вторых, с течением времени некоторые оценки В. А. Звегинцева стали требовать корректив и уточнений, выявились некоторые пробелы в произведенном им подборе авторов. И еще одно: В. А. Звегинцев, как видно уже из названия его книги, сосредоточился на науке двух последних веков; языкознанию более раннего времени посвящен лишь краткий очерк, уже не соответствующий современному состоянию истории лингвистики.

Исходя из всего этого, автор данного учебного пособия решил предложить его читателю, используя свой опыт преподавания курса «История лингвистических учений» в МГУ и РГГУ. При этом пособие не следует рассматривать как замену труда В. А. Звегинцева. Автор старался по возможности в максимальной степени ориентироваться на корпус лингвистических текстов, собранный его покойным учителем В. А. Звегинцевым. Пока что трудно надеяться на новое издание столь же полного и представительного корпуса. Поэтому «Историю языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях» в ее хрестоматийной части следует рассматривать как дополнение к пособию.

В то же время автор, разумеется, не мог целиком исходить из того, что было сделано несколько десятилетий назад. Некоторые авторы, рассматриваемые В. А. Звегинцевым (А. Марти, В. Куайн, С. К. Шаумян), здесь не упоминаются. Другие авторы, чьи тексты есть у В. А. Звегинцева, рассмотрены лишь суммарно; например, это относится к основателям сравнительно-исторического языкознания Ф. Боппу, Р. Раску, Я. Гримму, А. Х. Востокову, труды которых почти не содержат общелингвистических рассуждений и в отрывках малоинформативны, а также к Н. Я. Марру, тексты которого не поддаются научному анализу. В то же время сейчас уже очевидна необходимость рассмотрения ряда работ, оказавших значительное влияние на развитие мирового языкознания, но не попавших по тем или иным причинам в «Историю...» В. А. Звегинцева. Там, например, почти ничего не сказано о «Грамматике Пор-Рояля», вовсе не упомянут Л. Теньер, Н. Трубецкой представлен лишь как один из соавторов коллективных «Тезисов Пражского лингвистического кружка», никак не учтены (за исключением научно непродуктивного марризма) попытки некоторых ученых 20—40-х гг. выступать против структурализма и предлагать альтернативы ему.

Во многих случаях и в отношении авторов, представленных у В. А. Звегинцева, читателю необходимо выйти за рамки опубликованных в хрестоматии текстов. Надо учитывать два обстоятельства. Во-первых, есть лингвисты, оставившие концентрированное выражение своих теоретических идей в сравнительно небольших по объему текстах; к их числу относятся, например, В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр. Такие ученые удобны для представления в хрестоматиях. Но многие лингвисты оставили теоретически важные идеи в виде попутных замечаний или экскурсов в большом количестве работ, часто посвященных очень конкретным проблемам. К их числу относятся, например, И. А. Бодуэн де Куртэнэ, Э. Бенвенист, Е. Курилович. В пособии речь идет о многих их публикациях, обычно доступных на русском языке, но в большинстве не представленных у В. А. Звегинцева. Во-вторых, в 50—60-е гг. «История» В. А. Звегинцева часто была единственным изданием на русском языке, где были представлены те или иные лингвисты. За прошедшие годы труды некоторых из них были изданы в русском переводе или впервые (В. фон Гумбольдт, К. Бюлер), или в большем, чем ранее, объеме (Э. Сепир); также следует упомянуть хрестоматию «Пражский лингвистический кружок». Во всех таких случаях пособие ориентируется на последние русские издания, отсюда же приводятся и цитаты, которые иногда не совпадают с переводами у В. А. Звегинцева. Список основных изданий, учтенных при составлении пособия, приводится в библиографии.

В отношении лингвистики XIX—XX вв. автор в основном ориентировался на те зарубежные труды, которые полностью или в извлечениях издавались на русском языке. Такое ограничение сделано, чтобы не

создавать дополнительных трудностей для студентов, хотя в некоторых случаях, возможно, и сужается общая картина. Это ограничение не касается более ранних этапов развития науки, плохо представленных в русских переводах.

Один из спорных вопросов, вставших перед автором, — хронологические рамки, того, что излагается. Сейчас уже ясно, какое значение имела для развития мировой лингвистики «хомскианская революция» конца 50-х — начала 70-х гг. Уже можно подвести определенные итоги того, какие изменения произошли под ее влиянием. Отразить в пособии по истории лингвистических учений идеи Н. Хомского, в концентрированном виде изложенные в книге «Язык и мышление», представляется совершенно необходимым. С другой стороны, итоги того периода в развитии лингвистики, который наступил после «хомскианской революции», подводить еще рано. Многие еще не устоялось. Пытаться довести изложение до второй половины 90-х гг. XX в. достаточно сложно. Повидимому, все же очерк лингвистики последних двух десятилетий — особая задача, требующая не столько исторического, сколько логического подхода. Поэтому автор все-таки решил завершить свой исторический очерк «хомскианской революцией», в основном опираясь на ранние (до начала 70-х гг.) работы Н. Хомского.

Безусловно, спорен и вопрос о границах проблематики. В. А. Звегинцев ограничивался выявлением того, как решались две важнейшие проблемы лингвистики: проблема предмета науки о языке и проблема метода научного исследования. В данном пособии автор хотел рассмотреть историю языкознания несколько шире, как-то упоминая и важнейшие конкретные позитивные результаты, полученные наукой о языке в ходе ее развития. Однако пособие не надо рассматривать как историю всей лингвистики вообще. Мы не ставили перед собой задачу всесторонне описать изучение конкретных языков и языковых семей в мировой науке: объем учебного пособия не безграничен. Прежде всего для нас важно развитие лингвистических теорий и методов. А насколько автор смог охватить действительно самое существенное, судить читателю.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОСНОВНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

Люди с самых древних времен в том или ином контексте задумывались о проблемах языка. Хотя в большинстве ситуаций люди не замечают языка, на котором говорят, однако на языковые проблемы приходилось обращать внимание при явных речевых ошибках, при том или ином непонимании собеседника и прежде всего в случаях, когда сталкивались между собой носители различных языков. Обращали внимание и на слово, превращаемое в дело: клятвы, обеты, проклятия, магические формулы играли заметную роль в жизни древнего человека. Представления о силе слова, о его обрядовом и магическом значении, о соответствии между словом и обозначенным им человеком или предметом весьма важны для многих традиционных культур.

Однако от такого рода первичных представлений о языке еще далеко до формирования традиции изучения языка. Обычно не приводило к такому формированию и появление письменности у того или иного народа. Многие культуры, даже обладавшие письмом, не создали сколько-нибудь развернутых концепций и описаний языка; по крайней мере, мы про них ничего не знаем. Например, очень трудно сказать, что думали о вопросах языка в Древнем Египте, хотя там безусловно учили чтению и письму. Ничего нам не известно о формировании лингвистических традиций у хеттов, жителей Урарту, в цивилизациях Америки и у многих других народов.

Чуть больше нам известно о вавилонской культуре, где использовался сначала шумерский, а затем аккадский язык. До нас дошли списки слов и даже первые известные в истории парадигмы словоизменения: от 2-го тысячелетия до н. э. дошли списки слов, сгруппированных по совпадающим корням или аффиксам. Вероятно, эти списки использовались при обучении грамоте. Однако в Вавилоне ограничивались тем или иным представлением конкретного материала, никаких более общих идей до нас не дошло и неизвестно, были ли они.

Древнейшие из известных нам лингвистических традиций — индийская, европейская (античная) и китайская — сформировались независимо друг от друга в первом тысячелетии до н. э.

По-видимому, исторически первой из традиций была индийская. Говорить о времени ее формирования очень трудно: в индийской культуре категория времени и календарь не играли существенной роли, поэтому в отличие от Европы и Китая там не существовало хронологий и летописей. Любые датировки древнеиндийских текстов крайне затруд-

нительны, например, грамматику Панини разные ученые относили к периоду от VI до II века до н. э. Неясны и относительные датировки, если только один памятник прямо не ссылается на другой. Особенно трудно что-то сказать о периоде создания традиции, поскольку наиболее ранние труды до нас не дошли. Реально мы можем говорить о традиции уже начиная с ее высшего взлета — великой грамматики Панини, содержащей в себе весьма полное описание санскрита. Панини, несомненно, опирался на своих предшественников, но о них мы реально ничего не знаем. Вероятнее всего, Панини жил в IV в. до н. э., но полной ясности здесь нет. О его жизни мы ничего не знаем, лишь одно более или менее достоверно: великий лингвист, по-видимому, не был грамотен. Его грамматика создавалась в устной форме и в расчете на устную передачу (к этой ее особенности мы еще вернемся) и лишь спустя несколько веков была записана. Такова была особенность индийской культуры: как истинное знание рассматривалось знание устное, передаваемое от учителя к ученику.

Другим великим лингвистом Древней Индии был Яска, знаменитый как этимолог и создатель первой известной нам классификации частей речи. Поскольку Панини и Яска не упоминают друг друга, неясно, кто из них жил раньше; скорее всего, они жили приблизительно в одну эпоху. Двумя другими крупнейшими представителями индийской традиции были Катьяяна и Патанджали. Они безусловно жили после Панини, поскольку упоминали его труд и комментировали его; Катьяяна жил раньше Патанджали. Обычно Катьяяну относят примерно к III в. до н. э., Патанджали — к II—I в. до н. э.

В дальнейшем, после Панини, индийская традиция приобрела в первую очередь комментаторский характер. Во-первых, комментировали священные памятники, в первую очередь веды. Во-вторых, комментировали саму грамматику Панини, а позднее и грамматики Катьяяны и Патанджали. Писали комментарии, комментарии к комментариям, комментарии к комментариям комментариев и т. д. Ничего столь же оригинального, как труд Панини, создать больше так и не удалось. Уже с середины 1-го тысячелетия н. э. индийская традиция приобрела эпигонский характер, постоянно воспроизводя одни и те же идеи, прежде всего идеи Панини. В таком виде она дожила до конца XVIII в., когда с ней впервые познакомились европейцы, освоившие затем ряд ее идей и методов. Существует она даже в современной Индии параллельно с лингвистикой европейского типа.

Почти тогда же, когда и в Индии, сформировалась традиция изучения языка в античном мире. В Древней Греции довольно долго языкознание, как и многие другие науки, не было отделено от «науки наук» — философии. Философы классического периода высказывали немало интересных догадок о природе и функционировании языка. Особенно интересны диалог «Кратил» Платона (427—347 гг. до н. э.) и ряд сочи-

нений Аристотеля (384—322 гг. до н. э.). Однако в классический период еще не было попыток описания языка. Можно говорить лишь о зачатках такого описания у Аристотеля, прежде всего в его сочинении «Об именовании», где появляются первая в античности классификация частей речи и определения имени и глагола.

Становление греческой лингвистической традиции в собственном смысле начинается в так называемый период эллинизма, когда после распада империи Александра Македонского греческий язык и греческая культура распространяются по всему Восточному Средиземноморью. Не случаен тот факт, что описания языка появляются как раз тогда, когда стала актуальной задача обучения греческому языку носителей иных языков, а многие из античных лингвистов не были греками по происхождению. Основные понятия античной традиции, многие из которых дожили до наших дней, вырабатывались в течение III-го и II-го веков до н. э. Первоначально это происходило в рамках философской школы стоиков, в частности, они уточнили и расширили классификацию части речи и впервые ввели понятие падежа и систему падежей. Затем центром изучения греческого языка стала на несколько веков Александрия в Египте, крупнейший центр эллинистической культуры и учености, знаменитая своей библиотекой. В Александрии, начиная от Аристарха (II в. до н. э.), окончательно сформировались основные понятия грамматики (так тогда называлась наука о языке в целом, термин «лингвистика» позднейшего происхождения).

Точно восстановить весь процесс становления античной традиции невозможно, поскольку сочинения стоиков и ранних александрийцев до нас не дошли и кое-что о них известно лишь из упоминаний у других авторов. Представление об александрийских грамматиках дают две сохранившиеся работы, относящиеся уже к периоду, когда Александрия вошла в состав Римской империи. Это «Синтаксис» Аполлония Дискола (2 век н. э.) и грамматика Дионисия Фракийского, время создания которой точно не известно; современные комментаторы склонны считать, что скорее всего Дионисий писал позже Аполлония, хотя прежде грамматику Дионисия относили обычно к значительно более раннему времени.

Эти сочинения, в первую очередь грамматика Дионисия, считались образцовыми, и греческие грамматики позднеантичного и византийского времени в основном сочинялись на их основе.

Идеи александрийцев достаточно быстро проникли и в Рим. Уже в I в. до н. э. там появляется первый крупный грамматист. Это Марк Теренций Варрон (116—27 гг. до н. э.), исключительно разносторонний автор, писавший сочинения по самым разнообразным проблемам; до нас дошли его труды по сельскому хозяйству и (не полностью) по грамматике. Он оказался самым ранним из античных грамматистов, чьи сочинения нам известны, поэтому не всегда легко определить, в чем

Варрон оригинален, а в чем пересказывает неизвестных нам греческих или римских предшественников. Варрон и другие римские ученые достаточно легко и лишь с минимальными изменениями приспособили греческие схемы описания к латинскому языку, очень похожему на греческий по своему строю. Окончательно античная традиция была зафиксирована в двух позднеантичных латинских грамматиках: грамматике Доната (III—IV в. н. э.), существующей в двух вариантах: более кратком и более просторном, и в наиболее полной из всех античных грамматик, многотомной грамматике Присциана, относящейся уже к ранневизантийскому времени — к первой половине VI в. На протяжении всего средневековья две грамматикки служили образцами.

После распада Римской империи европейская традиция окончательно распалась на два варианта: восточный, греческий, и западный, латинский, которые уже развивались вне всякой связи друг с другом. В течение нескольких веков средневековая лингвистика как на Востоке, так и на Западе мало внесла нового в науку о языке. Новый этап развития западноевропейской лингвистики начался с появлением с XII—XIII вв. философских грамматик, стремившихся не описывать, а объяснять те или иные языковые явления. Сложилась школа модистов, работавшая с начала XIII в. по начало XIV в.; самый знаменитый из модистов — Томас Эрфуртский, написавший свой труд в первом десятилетии XIV в. Модисты интересовались не столько фактами латинского языка (где они в основном следовали Присциану), сколько общими свойствами языка и его отношениями к внешнему миру и к миру мыслей. Модисты впервые пытались установить связь между грамматическими категориями языка и глубинными свойствами вещей. Модисты внесли также вклад в изучение синтаксиса, недостаточно разработанного в античной науке.

Первые китайские источники, в которых речь идет о вопросах языка, появились, как и аналогичные греческие, в середине I тысячелетия до н. э. С V в. до н. э. появляются толкования непонятных слов в древних текстах, создаются концепции о связи между словом и свойствами того, что оно обозначает; в III в. до н. э. появляются теории «исправления имен», то есть правильного подбора имени, которое бы соответствовало обозначаемому. Однако говорить о становлении лингвистической традиции можно лишь начиная со II века до н. э., когда был составлен первый иероглифический словарь. В дальнейшем словарная традиция стала ведущей в китайской науке о языке. Первым классиком китайского языкознания стал Сю Шэнь (I в. н. э.), который предложил классификацию иероглифов и выделил их составные части; то и другое в основных своих чертах сохранилось в китайской науке до наших дней, а затем было воспринято и европейской китаистикой.

Первоначально китайская традиция занималась лишь графикой и толкованием памятников. Однако с первых веков новой эры в ней появляется и фонетика; многие предполагают, что интерес к звуковой сто-

роне языка пришел в Китай из Индии в период распространения в Китае буддизма. В III—VI вв. появляются словари омофонов, начинают описываться тоны, к VI в. появляются словари рифм, дающие представление о звучании тех или иных иероглифов в то время. Последним крупным достижением китайской традиции было появление в XI в. фонетических таблиц, где по горизонтали группировались иероглифы с одинаковой инициальной (начальнослоговым согласным), по вертикали — с одинаковой финалью (гласный плюс последующая часть слога).

В последующие века развитие китайской традиции, в отличие от индийской, продолжалось, но в основном в рамках уже выработанного. Составлялись все новые словари, которые достигали гигантского объема. Самый большой в Китае словарь, созданный в 10-е гг. XVIII в., содержал 47.035 иероглифов и 1.995 их вариантов. Уже на позднем этапе, с XIV в., появились словари так называемых «пустых слов», то есть частиц и других грамматических элементов языка. Словари рифм и фонетические таблицы постепенно обновлялись, отражая изменения в произношении. В таком состоянии в конце XIX в. китайская наука впервые познакомилась с европейской. В отличие от индийской она довольно быстро подверглась европеизации, и сейчас китайская традиция в чистом виде уже не существует, хотя некоторые ее идеи и методы, особенно в описании иероглифики, сохранились до сих пор.

Четвертая из наиболее важных лингвистических традиций, арабская, появилась намного позже предыдущих, лишь в конце I тысячелетия н. э. Образование в VII в. Арабского халифата и распространение мусульманства привели к необходимости обучать арабскому языку, языку государственности и языку Корана, и изучать этот язык. Первые зачатки лингвистических представлений у арабов известны с VII в., но окончательно традиция сложилась в первой половине VIII в. Центрами арабской науки о языке становятся Басра и Куфа в Месопотамии (современный Ирак). В 735—736 гг. появилась первая известная нам арабская грамматика. Уже к третьему поколению басрийских грамматистов принадлежал Сибавейхи (или Сибавайхи), перс по происхождению (умер в 793 г.). Он написал знаменитую грамматику, имевшую учебные цели, где детально были описаны фонетика, морфология и синтаксис классического арабского языка. Грамматика Сибавейхи впоследствии считалась образцовой, и большинство ученых находились под ее сильным влиянием. В дальнейшем в течение нескольких веков шла интенсивная деятельность по изучению арабского языка. Помимо грамматик создавалось большое количество словарей, строились этимологии. Кроме Басры и Куфы, где лингвистические школы просуществовали несколько столетий, другой важный центр науки о языке сложился на противоположном конце арабского мира — в арабской Испании. Последним крупным арабским ученым-языковедом был Ибн Джинни (конец X — начало XI в.), сын грека-раба. Он интересен рассуждениями о при-

роде языка и языковой норме, занимался он также этимологией и семантикой.

После распада Халифата, монгольских, а затем турецких завоеваний арабская традиция постепенно пришла в состояние упадка, ограничиваясь, как и индийская, эпигонством и самовоспроизведением. Как и в Индии, в арабских странах и в мусульманском мире в целом и сейчас продолжает существовать традиционная наука о языке, основанная на идеях Сибавейхи и других авторов. Эта наука существует параллельно с европеизированной, мало с ней соприкасаясь. В то же время, по мнению ряда ученых, в том числе Л. Блумфилда, арабская наука оказала определенное влияние на европейскую науку о языке.

Последняя из традиций, о которых здесь будет специально говориться, — японская. Она сформировалась совсем поздно, на протяжении трех с небольшим последних веков. Первоначально в Японию вместе с китайской письменностью и китайской культурой проникла и китайская лингвистическая традиция, влияние которой в ряде областей, прежде всего в составлении словарей, стойко сохранялось вплоть до периода европеизации. Однако в XVII в. Япония стала «закрытой страной», обособившись от внешнего мира, включая Китай. Японские ученые тех лет, принадлежавшие к школе кокугакуся («национальные ученые»), занялись изучением национальных ценностей и национальной религии и культуры. Одним из компонентов «национальной науки» стало изучение японского языка, начавшееся в XVII в., но наиболее активно развернувшееся во второй половине XVIII в. и в первой половине XIX в. Главным достижением деятельности кокугакуся было создание грамматики (точнее, морфологии) японского языка, где нельзя было опираться на китайские образцы. Кокугакуся также изучали фонетику и этимологию. Крупнейшими языковедами того времени стали Мотоори Норинага (1730—1801), теоретик школы кокугакуся, и Тодзэ Гимон (1786—1843), окончательно сформировавший традиционную японскую систему частей речи и глагольного спряжения.

В отличие от описанных выше индийской, китайской и арабской традиций японская не успела окончательно сформироваться к моменту происшедшей после «открытия» Японии (1854) интенсивной европеизации страны. Уже к концу XIX в. произошел синтез традиционных и заимствованных с Запада подходов, в результате чего при полном исчезновении чисто традиционной науки японское языкознание XX в. обладает рядом оригинальных и своеобразных черт; см. в главе «Критика лингвистического структурализма» раздел о японском лингвисте XX в. М. Токиэда.

Данными традициями, конечно, не исчерпывается история развития лингвистических представлений в мире. Одни народы имели шансы создать собственную лингвистическую традицию, но по тем или иным причинам их не реализовали. Так получилось с тюркскими народами,

которые уже в XI в. имели ценнейший памятник — словарь тюркских диалектов с элементами грамматики и фонетики, созданный Махмудом Кашгарским (Махмуд аль Кашгари) в рамках арабских моделей, но с рядом оригинальных черт. Однако этот труд, забытый вплоть до начала XX в., так и не положил основу традиции. Другие народы создали традицию лишь в отдельных областях. Так было в Корее, где в XV в. появилась собственная фонетика, описывавшая структуру, резко отличную от китайской, однако в отличие от Японии в других областях лингвистики здесь ничего оригинального создано не было. Некоторые же народы продвинулись по пути создания собственных традиций достаточно далеко. От арабской традиции с X в. отпочковалась еврейская, получившая ряд совершенно особых черт; еще раньше от индийской — тибетская, затем превратившаяся в тибетско-монгольскую. Анализ этих до конца не изученных традиций требует особой проработки, поэтому в дальнейшем мы в основном будем сопоставлять пять традиций, кратко описанных выше: индийскую, европейскую, китайскую, арабскую и японскую.

ПРИЧИНЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИЙ, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Все лингвистические традиции создавались для решения конкретных практических задач. Чисто абстрактные рассуждения философов Древней Греции или Древнего Китая не вели к разработке лингвистических описаний. Позднее чисто теоретические, отделенные от утилитарных задач (философские, «спекулятивные») сочинения появляются лишь в Европе в эпоху схоластов (прежде всего труды модистов); в это время «спекулятивные» грамматики могли появиться уже на достаточно высоком уровне описания языка, позволявшем им опираться на конкретные описания предшественников, в первую очередь Присциана. Всегда перед создателями традиций стояли практические задачи, главной из которых была задача обучения.

При этом задача научиться читать и писать на материнском языке обычно не вела к созданию лингвистической традиции: эта задача не требовала изучения системы языка в целом, а основанный на интуиции первичный фонетический (точнее, неосознанно фонологический) анализ обычно не проводился в явном виде. Возможно, поэтому не сложились развитые традиции ни в Вавилоне, ни в классической Греции, хотя письменность там существовала. В Греции до эпохи эллинизма грамматиком называли просто учителя чтения и письма.

Иная ситуация возникала, когда было необходимо учиться не только письму, но языку в целом. Не случайно, что античная традиция так и не сложилась, пока по-гречески говорили лишь греки, а арабская — пока арабский язык знали лишь арабы. Но когда в эпоху эллинизма